
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.422

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАМНЕЗА

Г. П. КОРШУНОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На базе актуальных условий и общемировых трендов развития представлен вариант авторского анализа социальных последствий пандемии COVID-19. Особое внимание уделено двойной проблематизации социальных практик, вызванной развитием цифровых практик и негативным опытом проживания пандемии на микро-, мезо- и макро-уровнях.

Ключевые слова: цифровизация; дигитализация; пандемия; социальные последствия; глобализация; глокализация; безлюдные технологии; удаленные практики; сетевая самоорганизация; крафтовизация.

PANDEMIC AND DIGITALIZATION: EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL ANAMNESIS

G. P. KORSHUNOV^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

On the basis of current conditions and global development trends, the article presents a version of the author's analysis of the social consequences of the COVID-19 pandemic. Particular attention the author pays to the «double problematization» of social practices caused by the development of digital practices and the negative experience of living a pandemic at the micro, meso and macro levels.

Keywords: digitalization; pandemic; social consequences; globalization; glocalization; unmanned technology; telecommuting; network self-organization; crafting.

Образец цитирования:

Коршунов Г.П. Пандемия и цифровизация: опыт социологического анамнеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:88–91.

For citation:

Korshunov GP. Pandemic and digitalization: experience of a sociological anamnesis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:88–91. Russian.

Автор:

Геннадий Петрович Коршунов – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Author:

Gennady P. Korshunov, PhD (sociology), docent; director.

Банально, но любой кризис (а мир сейчас находится в очень ярком кризисе) чрезвычайно ускоряет все процессы и проявляет все тенденции. Это рубикон: что обречено на разрушение, будет разрушено; чему суждено победить – победит. Понятно, что пандемию мы переживем в любом случае. Главный вопрос – что будет потом.

Сложно анализировать ситуацию, находясь внутри нее, а не снаружи. Еще сложнее, когда процессы не стабилизировались, а только набирают обороты. Когда в мире объявлена пандемия, когда страны одна за другой вводят карантин, когда практически каждый день дает новые антирекорды смертности от вируса, когда «идеальный шторм» заставляет человечество замирать в ожидании тотального локдауна и коллапса...

Анализировать сложно, но нужно. Уже сейчас ясно, что мировая история новейшего времени будет делиться на время до и после коронавируса. Что будет после, зависит от множества факторов как стохастического характера, так и вполне управляемых – врачами, политиками, простыми гражданами. И учеными. Когда я говорю «ученые», я имею в виду не только медиков, но и гуманитариев, ведь, когда пандемия закончится, а она все равно закончится, мы будем жить уже в другом мире. От того, как мы осмыслим опыт COVID-19, будет зависеть то, на каких основаниях будем строить мир, государства и общества «после вируса».

Мне очевидно, что самыми важными, после того как схлынет эпидемиологическая волна, будут последствия с приставкой социо-. Впрочем, социоактуальны уже сейчас: не только и не столько от государств зависит динамика пандемии, сколько от людей и сообществ, от наших ценностей, установок и практик.

Потому прогнозирование того, что будет потом, равно как и осознание того, что происходит сейчас, должно строиться на понимании того, что происходило «до», какие тренды и тенденции были на плечах колокола развития.

Представляется, что самое важное, с чем мы подошли к концу второго десятилетия этого века, – рост благосостояния цивилизации. Конечно, это в первую очередь касается Запада. Но Всемирный банк говорит, что, несмотря на разницу по странам и континентам, уровень благосостояния растет во всем мире. Ему вторит ВОЗ, утверждая, что растут ожидаемая продолжительность жизни, ее уровень и качество...

О последнем моменте с множеством его индикаторов можно было бы порассуждать как о феномене моделирования постиндустриального промышленного развития, но здесь интересно другое: в развитых странах со второй половины XX в. (или с последней трети, или четверти – не принципиально) фокус внимания переходит с проблемы выживания или наличия жизни на вопросы ее уровня и качества. Это нивелирование критерия прагматики.

Снижение диктата прагматики выживания открывало возможности искать пути к тому, чтобы жить хорошо, а хорошо – оно у всех разное и свое. Развитие производства и экономики (в последнее время главную роль здесь играют, конечно, процессы цифровизации во всех их проявлениях) позволяет строить по-своему разное хорошее развитым государствам вообще и каждому конкретному человеку в частности. Потому во главу угла ставится человек со всеми его слабостями, особенностями, наклонностями, девиациями и делинквенциями; в фокусе внимания не общее и объединяющее, а частное и отличающее (социальный квиллидж). Это база для экономики потребления и экономики впечатлений, феминизма и неолиберализма, постфордизма и дополненной реальности.

Факт: человечество стало жить богаче, дольше и лучше. А к хорошему привыкаешь быстро. И мир действительно привык к тому, что в целом последние 30–40 лет мы живем без больших потрясений, и с каждым годом все лучше и лучше. И, понятно, с надеждой на то, что «все лучше и лучше» будет и дальше.

COVID-19 очень жестко и больно ударил по этому хорошему. Ударил по целым отраслям экономики и социальным институтам, по производственным цепочкам и государственным обязательствам перед обществом, по моделям досуга и повседневным привычкам. Мир переживает возвращение прагматики – прагматики выживания. В *McKinsey* пишут, что население стран Запада, которое не сталкивалось с подобным со времен Второй мировой войны, испытывает невиданный психологический и социальный шок.

В кои-то веки нам, постсоветскому пространству, здесь легче. Наверное. Мы же привыкли к перманентным кризисам «постперестроечного» и «трансформационного» общества. Мы привыкли выживать. Хотя как здесь привыкнуть. Тем более что COVID-19 действительно занес руку над каждым, даже если не лично, то опосредованно – через родителей, бабушек и дедушек. Но над каждым. Может быть, пока кулак COVID-19 занесен невысоко, но усилиями СМИ он с каждым днем будет заноситься для все более сильного удара (я не врач, потому в данном случае говорю скорее как обыватель).

Да, каждое государство по отдельности и все вместе еще долго будут анализировать свой опыт пандемии, выстраивая новые критерии прагматики. Но главный фактор, из которого будет расти будущее, – индивидуальная значимость опыта переживания эпидемии. Это опыт кризиса, который наступил в эпоху благополучия: собственный психологический опыт переживаний и самоорганизации, коммуникативный опыт и опыт кооперирования с ближайшим социальным окружением, опыт взаимопомощи (ее оказания и принятия), самоорганизации на уровне групп и сообществ, прежде всего на мезоуровне – взаимодействия ме-

дицинских организаций, гражданского общества и бизнеса и на макроуровне – опыт (если он будет) сотрудничества государства и общества, опыт (если он будет) взаимного уважения и доверия между людьми и властью в условиях пандемии.

Означенные виды опыта экстраполируются и на сферу межгосударственных отношений. Но здесь сказать что-то однозначно нельзя, все будет зависеть от результатов, которые пока не очевидны. Те государства, которые первыми эффективно справятся с ситуацией COVID-19, будут демонстрировать и диктовать миру новые модели взаимодействия и гражданин – государство, и государство – мир.

Хочется верить, что прагматика выживания сможет выйти за рамки часто суматошного оперативного реагирования на ситуацию, и осознать, что кооперация выгоднее самоизоляции. Что социальная дистанция (к соблюдению которой терминологически ошибочно призывают потенциальных пациентов, путая ее с дистанцией физической) – это не об отчуждении. Это о взаимном уважении и учете потребностей друг друга, о выстраивании общих систем критериев, практик, ценностей и стандартов. Думаю, что на индивидуальном уровне мы к этому придем как минимум на пике пандемии. На уровне государств... Полагаю, раньше: общемировая пандемия приведет к осознанию необходимости скоординированных мер и общего ответа глобального сообщества.

Сейчас среди определенных кругов популярна идея об эпидемиологических доказательствах несостоятельности как паневропейской идеи, так и глобального мира вообще. Дескать, мир побыл глобальным и больше не будет. Но опыт разрушения глобальных связей и торжество протекционизма-самоизоляции человечество уже проходило – во второй четверти XX в. С другой стороны, в последние десятилетия действительно наблюдался опыт угасания глобализационных тенденций: глокализация, финансовые кризисы, миграционные проблемы, торговые войны, волны популизма...

Впрочем, после Второй мировой войны процессы глобализации только ускорились и вышли на новый уровень, чему весьма поспособствовали новые технологические разработки. Сегодня же, когда достаточное количество цифровых моделей и практик не получили широкого распространения по причине ригидности, консервативности и отдельно взятого человека, и различных социально-демографических групп, и корпоративных интересов, тренд самоизоляции и национального протекционизма может быть минимальным. Слишком много того, что связывает континенты, точнее людей на разных участках одной большой, но ставшей такой маленькой Земли.

«Цифра», особенно в условиях карантинных, получит мощнейший толчок к своему развитию. Уже получает, именно ее потенциал формирует кирпичики будущего.

Образовательные ресурсы, развлекательные, культурные – они уже в числе первых, к которым открыт бесплатный доступ для всех. Чем дольше будет карантин, тем быстрее и масштабнее будет принятие новых цифровых моделей.

Сетевая самоорганизация, помощь медикам и старшему поколению еще раз докажут эффективность цифровых практик. Психологи говорят: мало что по силе своего воздействия может превзойти кризисный опыт, тем более опыт оказания помощи, – не получения, а именно оказания, он вообще уникален.

Удаленная работа, опыт ее освоения и реализации введет новый критерий социальной дифференциации. Безусловно, не для всех, но работодатели в любом случае оценят ее действительную рентабельность в нынешних экономических условиях. Кроме экономических преимуществ, здесь важен критерий профессионализма, который будет складываться не только из знаний и умений, но и из волевых качеств, способностей к самоорганизации и, конечно, цифровых компетенций.

Безлюдные технологии, как производственные, так и транспортные, мало зависят от эпидемиологической ситуации и способны преодолевать карантинные занавесы, выстраивая новую логистику мировой экономики. Другой вопрос, что они действительно способны заменить собой добрую часть трудоспособного населения, которому нужно чем-то зарабатывать себе на пропитание. На что будут делать ставку государства, как власть будет договариваться с бизнесом и чем будет обеспечиваться социальная стабильность, большой вопрос.

К проблеме определения альтернатив на государственном уровне, особенно в кризисных условиях недостатка времени и других ресурсов, отмечу, что в ситуации недостатка люди демонстрируют склонность к нерациональному, прагматичному поведению. Жизнь это позволяет. Теоретически в развитых странах можно (было?) вообще не работать. Прагматика выбора исчезает, вернее, эстетизируется. Нет онтологической прагматики, критерии выбора равнозначны. Потому ситуации, когда нужно постоянно выбирать между полюсами, множились к торжеству плюральности. В «эпоху короны» эстетизация выбора сменяется новым прагматизмом, пространство выбора будет сужаться, и то, что государства выстраивают сейчас, – это каркасы будущих социальных и политических институтов.

Представляется, что система координат, в которой нужно будет определяться, складывается из ряда полюсов.

Глобализм и глокализация. Глобализм – это когда мировые бренды есть везде. Почему, например, пару лет назад было неинтересно путешествовать по городам Китая? Потому что города все одинаковые. Если не брать исторический центр, то они все неотличимы: бетонные коробки, машины, люди. И так во всем, начиная от культурных образцов и заканчивая производственными матрицами. Это

с одной стороны, с другой – наращиваются тенденции к глокализации (термин не самый удачный, но тем не менее). Это когда растет внимание к регионализации – к локальному, своему, родному. Идет возрождение европейского национализма, китайской национальной гордости, латиноамериканского популизма, британского консерватизма... И сейчас будет решаться вопрос о том, перевесит тенденция к глобальному или к локальному, победит стремление к объединению или к обособлению.

На повседневном уровне эта антиномия воплощается в выборе установки на индивидуализм или семейные ценности. Тезис о кризисе традиционной семьи в последнее время звучал колокольным набатом с самых разных трибун. Практика подтверждала его значимость снижением количества функций, которые свойственны только и исключительно семье, ростом внимания к проблеме домашнего насилия, количеством альтернативных браку форм долговременного сожительства, размыванием родительских ролей ювенальной юстицией, ростом числа порносайтов и платформ для поиска сексуальных связей без обязательств, свиданий на одну ночь. Мода на социофобию и психологический опыт карантина против грядущих экономических испытаний и практики взаимопомощи – что они утвердят в качестве доминирующей ориентации: индивидуальное самообеспечение или выживание семьи?

Конвейер и крафт. Крафт – ручная работа, конвейер – штамповка. За счет засилья конвейера, этой глобальной одинаковости, ценность отличного – не обязательно сделанного руками, но того, чего больше ни у кого нет, возрастает. Так было всегда, но сейчас растяжка конвейер – крафт становится доминирующей. Крафт в моде, крафт в тренде – от крафтового пива до сделанных своими руками свечек, мыла, пэчворка и пр. Сейчас крафт получает еще один стимул, толчок к развитию и переоценке значимости – самодельное дополняет фабричное в борьбе с вызовами COVID-19. И я не только о повязке, я больше о социальном на повседневном уровне: каждый должен сам сделать свою безопасную сферу жизни, сам помочь себе и другим. Сегодня многое каждый должен *сделать сам*.

И правда, хорошие вопросы: сколько людей смогут взять на себя ответственность за свою жизнь? сколько субъектов организуются для выживания общества? сможет ли общество самосорганизоваться для выживания в условиях пандемии или без государства никак? С одной стороны, неолиберализм ставил под сомнение необходимость государственного присутствия, кибероптимисты утверждали зарю новой демократии, технология распределенных регистров обещала заменить собой многие

функции государства... С другой стороны, авторитарные государства вполне себе существуют, Китай демонстрирует успехи в борьбе с пандемией, киберпессимисты вангуют расцвет тоталитаризма данных. Это полюса горизонтальных систем и вертикальной власти, противостояние самоорганизации и иерархии.

Еще один тренд, правда, скорее размывающий «полюса» – проблематизация традиционных оснований стратификации на фоне новых критериев успешности. COVID-19 усилит акцент цифровизации в переносе внимания с приписанных статусов на достигаемые. В традиционных сферах основной зарабатывания было тело, физическая сила. Из-за разницы в физической силе было различие мужского и женского труда. Когда главная роль отводится умственному труду, то становится неприципиальным телесное различие, если мозг, ум работает хорошо. А в таких условиях абсолютно неважно, в каком теле – мужском или женском, старом или молодом, черном или белом – находится хорошо работающий мозг. Не физическая сила, а способность к инициативе, целеполаганию, самоорганизации становятся принципиальными. И в той или иной степени пандемия и опыт карантинных мероприятий только способствуют закреплению этих новых критериев оценки деятельности и успешности.

Конечно, есть множество других полюсов и точек бифуркации. Цифровизация стремится к реформатированию практически всех устоявшихся моделей, практик и институтов (даже с учетом всеобщей ригидности и возможного эффекта маятника). Пандемия ускорит решения по всем назревшим вопросам (заданные ею темпы будут зависеть от пика экспоненты и вероятности второй волны). И решать будут социальные субъекты всех уровней, не только государства. Жизнь показывает, что разные государства очень по-разному справляются с кризисом, вызванным COVID-19. Китай – централизованно, Россия – посредством попытки возврата к федерализму, по Ирану информации не хватает, а Европа прямым текстом говорит, что государства не справляются, нужна помощь общества, нужна самоорганизация...

Я уже говорил об этом, но замкну круг акцентом на ценностях: наверное, одним из важнейших опытов, который мы вынесем из пандемии, будет сравнение результативности деятельности государств, силовых ведомств, корпораций и прочих иерархических структур, с одной стороны, а с другой – самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур, диалога этих сторон или их противостояния, доверия или конфронтации.